

Костромская гончая по данным нашей охотничьей литературы.

Кто изъ русскихъ охотниковъ не слыхалъ о костромскихъ гончихъ? Кто изъ нихъ не слыхалъ о томъ необыкновенномъ полевомъ досугѣ, которымъ будто бы обладала эта порода и по которому она стояла гораздо выше всѣхъ другихъ гончихъ? Кто не слыхалъ баснословныхъ рассказовъ о дивныхъ голосахъ съ заливомъ, о необыкновенномъ верхнемъ чутьѣ, о поражающей выносливости и сумасшедшей вязкости, злобности къ звѣрю и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительной вѣжливости костромичей?

Всѣ эти рассказы были причиною того, что чуть не каждый владѣлецъ какихъ бы то ни было гончихъ, мало-мальски смахивающихъ наружностью на гончихъ, самоувѣренно называлъ ихъ костромскими, хотя бы онѣ ни въ родствѣ, ни въ свойствѣ съ послѣдними не состояли. Между тѣмъ, стоитъ только спросить такихъ обладателей-костромичей о типичныхъ признакахъ этой породы, чтобы услышать отъ нихъ самыя сбивчивыя и навѣрно разнорѣчивыя описанія этого типа. Напротивъ, при описаніи внутреннихъ, полевыхъ качествъ этихъ собакъ никакихъ разнорѣчій мы не услышимъ: всѣ одинаково щедро надѣляютъ ихъ сказочными полевыми достоинствами, такъ что онѣ представляются идеаломъ гончихъ, даже для самаго разборчиваго и прихотливаго охотника.

Перечитывая различныя статьи, касающіяся костромскихъ гончихъ, нельзя не поражаться тою путаницею и тѣми противорѣчіями, которыя въ нихъ встрѣчаются, и у меня явилась мысль свести въ одно цѣлое все болѣе существенно важное въ нашей охотничьей литературѣ относительно этого интереснаго, для любителей гончихъ, предмета. Такимъ образомъ, если читатель въ моей статьѣ ожидаетъ встрѣтить что-нибудь новое, что-нибудь

такое, чего онъ не могъ бы прочитать прежде, то онъ разочаруется. Ничего новаго относительно костромскихъ гончихъ мнѣ неизвѣстно. Я стараюсь лишь, свѣдя въ одно цѣлое то, что разбросано въ охотничьей литературѣ относительно этихъ гончихъ, по мѣрѣ силъ и умѣнья дѣлая логическіе выводы, сдѣлать попытку разобраться въ путаницѣ понятій и противорѣчій относительно типа, полевого досуга и происхожденія костромской гончей.

Весьма вѣроятно, что многимъ знатокамъ гончихъ, читавшимъ и знающимъ все, что писалось о костромской гончей, моя попытка покажется излишнею и не представитъ никакого интереса. Очень можетъ быть. Они конечно все знаютъ; знаютъ и гораздо больше, и лучше меня. Но быть можетъ для нѣкоторыхъ любителей гончихъ, интересующихся вопросами о нихъ, моя статья окажется и несовсѣмъ лишенной интереса, такъ какъ въ ней приведено болѣе важное изъ того, что было говорено о костромской гончей въ статьяхъ разныхъ авторовъ, помѣщенныхъ въ разныхъ сочиненіяхъ и повременныхъ изданіяхъ, въ разное время. Собрать же эти статьи дѣло нелегкое, а для охотника, живущаго гдѣ-нибудь въ глуши, пожалуй и вовсе невозможное.

Въ статьѣ моей, по самому ея характеру, неминуемо должны встрѣчаться многочисленныя выписки изъ авторовъ, писавшихъ о костромской гончей, и какъ ни скучно приводить эти выписки, но онѣ неизбежны.

Мнѣ остается прибавить только, что лично я желаю и стараюсь отнестись къ вопросамъ о костромской гончей вполне объективно и стараюсь сохранить безпристрастіе въ оцѣнкѣ мнѣній того или другого автора. Судить же, насколько выполнено мое желаніе — дѣло читателя.

Въ нашей охотничьей литературѣ есть нѣсколько описаній типа костромской гончей, но всѣ эти описанія происхожденія очень недавняго. Такого же описанія, а равно и рисунковъ этихъ гончихъ, которые сдѣланы были бы давно, хотя бы во времена процвѣтанія псовыхъ охотъ, въ литературѣ нѣтъ.

Въ наиболѣе старомъ, дошедшемъ до насъ, охотничьемъ сочиненіи, каковымъ является „Регуль, принадлежащей до псовой охоты“, (напечатанномъ въ журналѣ „Природа и Охота“, 1886 г., №№ 3-й и 4-й) книгѣ, написанной въ 1635 году и поднесенной

Царю Алексѣю Михайловичу. Авторъ ея излагаетъ примѣты гончихъ лѣнивыхъ, мастеровъ и лихихъ гонцовъ, говоритъ о выкормкѣ щенковъ и о содержаніи гончихъ, но ни слова не упоминаетъ объ ихъ породахъ, вслѣдствіе чего мы вправѣ предполагать, что въ то время въ Россіи была только одна порода этихъ собакъ и если-бы породы были различны, то вѣроятно о нихъ было бы упомянуто. Мы также имѣемъ право предполагать, что костромской породы гончихъ въ то время не существовало, ибо въ томъ же „регулѣ“ желающимъ имѣть „верхочуткихъ собакъ“ совѣтуютъ скрещивать породную легавую суку съ породнымъ же выжлецомъ, затѣмъ суку-ублюдка опять скрестить съ „лучшими мастерами“ и т. д. Въ третьемъ поколѣніи получаютъ верхочуты.

Если-бы въ то время уже существовала костромская порода гончихъ, которая, какъ всѣмъ извѣстно, отличалась замѣчательнымъ верхнимъ чутьемъ, то не было-бы надобности предлагать такого сложнаго рецепта приготовленія верхочутовъ.

За неимѣніемъ старинныхъ, обратимся къ болѣе новымъ описаніямъ типа костромской гончей. Такихъ описаній существуетъ нѣсколько, но изъ нихъ, по своей полнотѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ два. Одно изъ нихъ сдѣлано Н. П. Кишенскимъ, другое П. М. Губинимъ. Описаніе типичныхъ признаковъ костромской гончей Н. П. Кишенскаго напечатано въ нѣсколькихъ мѣстахъ и между прочимъ въ Охотничьемъ календарѣ Л. П. Сабанѣева, книгѣ довольно распространенной между охотниками. Въ виду чего я и не привожу здѣсь этого описанія цѣликомъ, а беру изъ него только то, что болѣе рѣзко выдѣляетъ костромскую гончую изъ другихъ породъ гончихъ собакъ.

Костромская гончая по этому описанію такова: ростъ средній, черепъ узкій, борзоватый, клинчатой формы, съ развитымъ гребнемъ. Уши маленькія, висячія, угольникомъ, въ возбужденномъ состояніи собаки закладываются назадъ, какъ у борзой. Глаза каріе, или желтые. Шея толстая, ребра спускаются ниже локотковъ пальца на два, грудь неособенно широка. Ноги прочныя, нѣсколько коротковаты, отчего собака кажется нѣсколько низковатою на ногахъ. Гонъ короткій, толстый, къ концу заостренъ, одѣтъ густо и похожъ на хвостъ лисенка или волченка, изогнутъ круто. Псовина на шеѣ, спинѣ и ногахъ довольно длинная и жесткая съ мягкимъ подшерсткомъ. Масть сѣрая, или черная, съ

сѣрымъ подшерсткомъ, въ большихъ желтыхъ подпалинахъ, бываютъ желто-багряныя и чернопѣгія въ подпалинахъ (черныя пѣжины съ сѣрымъ подшерсткомъ). Часто бываютъ съ бѣлой загривкой и бѣлымъ концомъ хвоста.

Костромскія гончія отличаются необыкновенно сильнымъ и красивымъ голосомъ и необыкновенной вязкостью. Голоса ихъ очень фигурны съ длиннымъ заливомъ.

Не менѣе обстоятельно и подробно описанъ типъ Костромской гончей П. М. Губинымъ въ его недавно напечатанномъ „руководствѣ ко псовой охотѣ“, сочиненіи, кстати здѣсь сказать, по своей дѣльности, составляющемъ цѣнный вкладъ въ нашу охотничью литературу. По этому описанію типъ Костромской гончей таковъ: „ростъ средній, длинновата и низка на ногахъ; ребриста, широка, высокопереда и шерстиста. Голова, что составляетъ исключительный признакъ костромской гончей, острогутовата. Глаза большіе, на выкатѣ, веселые и всегда темнаго цвѣта. Уши полу-висячія, что также составляетъ исключительный признакъ костромской гончей, и несомнѣнно доказываетъ, что въ этой породѣ есть кровь ищеекъ остроушекъ. Спина прямая, покатая къ задѣ и безъ всякой напружины. Шея толстая, короткая. Тѣло мускулистое, твердое; портки (черныя мяса у борзыхъ) очень развитыя. Ноги прочныя, сухія и крѣпко-костистыя; лапа круглая въ комкѣ, заднихъ прибылыхъ пальцевъ никогда не бываетъ; вообще Костромская гончая на ногахъ должна быть низка и высокопереда. Стоять должна на коготкахъ. Гонъ короткий, прямой, изогнутый и поставленъ круто, т. е. изогнуть въ видѣ серпа и образуетъ съ спиной прямой уголъ. Шерсть сравнительно длинная, плотно прилегаетъ къ тѣлу, на шеѣ и верхней части спины длиннѣе, чѣмъ на бокахъ; на головѣ, ушахъ и ногахъ атласисто-гладкая, а на гачахъ и нижней сторонѣ гона пушистая, но недолжна представлять ни привѣса, ни уборной псовины.

Конецъ гона кажется къ концу совершенно заостреннымъ. Цвѣтъ шерсти костромской гончей сѣрый, соловой, каурый, подлисий; рѣже черный, но непременно съ сѣрымъ подшерсткомъ, и въ подпалинахъ съ очками; а также бываютъ пѣгія означенныхъ мастей.

Характеръ веселый, смирный, очень привязчивый къ звѣрю, при этомъ очень послушный и всегда вѣжливый. Относительно

привязчивости къ звѣрю, костромскія гончія необыкновенно разнообразны, такъ напр. однѣ необыкновенно привязчивы къ волку и бываютъ замѣчательными звѣрогонами, другія бываютъ хорошими красногонами, а есть и такія заядлыя зайчатницы, что съ ними ничего не подѣлаешь, при ѣздѣ по волкамъ; и поэтому нерѣдко такихъ собакъ приходится оставлять дома или на квартирѣ, при взятіи взводка волковъ, дабы съ ними не испортить окончательно поля. Полазъ веселый на скачкахъ и у нѣкоторыхъ заѣмистый; при этомъ очень добычливы и водятъ всегда во всѣ ноги, преимущественно на верхнее чутье, хотя бываютъ костромичи и съ низкимъ поискомъ. Въ доборъ по красному звѣрю, нѣкоторые звѣрогоны и красногоны идутъ хорошо, но, также какъ и нѣкоторые зайчатники, имѣютъ слабость покривать въ жирахъ.

Паратость — средняя, но неутомимость замѣчательная. Голосъ у костромской гончей преимущественно ровный, или тонкій, и въ большинствѣ яркій, но иногда бываетъ и съ заливомъ. Очень крупныхъ голосовъ (басовъ) у костромскихъ гончихъ никогда не бываетъ. Злоба этихъ собакъ неравномѣрна: есть собаки мертвой злобы по волку, а есть и совсѣмъ его не берущія; но привязчивость въ гонбѣ по звѣрю (кромѣ заядлыхъ зайчатницъ) безграничная, а поэтому нерѣдко встрѣчаются такія гончія, которыя превосходно гоняютъ по волку, но брать его не берутъ. Вообще костромскія гончія, какъ гонцы, собаки очень хорошія.

Изъ приведенныхъ описаній костромской гончей видно, что оба автора въ очень многомъ сходны, особенно въ описаніи наружныхъ признаковъ этихъ гончихъ, но во многомъ и весьма существенно расходятся, и эта разница особенно рѣзко замѣтна въ описаніи полевыхъ качествъ, характеризующихъ гончихъ этой породы. Н. П. Кишенскій надѣляетъ этихъ собакъ всѣми наилучшими качествами желательными въ гончихъ, а по словамъ П. М. Губина, между костромскими гончими встрѣчаются собаки далеко несходныя между собою по полевому досугу, между ними даже попадаются такія заядлыя зайчатницы, которыхъ, при ѣздѣ по волкамъ, оставляютъ дома, иначе онѣ испортятъ дѣло. Кромѣ того, знаменитые голоса, съ длиннымъ заливомъ, бываютъ не у всѣхъ, а только у нѣкоторыхъ особей, наичаще же встрѣчаются голоса ровные и тонкіе.

Такимъ образомъ мы имѣемъ портретъ Костромской гончей, описанный двумя авторами весьма обстоятельно. Хотя въ подробностяхъ у нихъ и встрѣчаются нѣкоторые противорѣчія (напр о цвѣтѣ глазъ), но въ общемъ они сходны и мы можемъ взять изъ этихъ описаній характерныя черты типа, о которыхъ упоминаютъ оба автора и которыя составляютъ исключительную принадлежность костромскихъ гончихъ, въ другихъ же породахъ гончихъ не встрѣчаются. Такіе характерные признаки типа костромскихъ гончихъ слѣдующіе: 1) высокопередость; короткія височія, угольникомъ (заостренныя) уши, которыя собака въ возбужденномъ состояніи закладываетъ назадъ; 3) клинчатая форма черепа съ заостреннымъ чутьемъ; 4) шерстистость; 5) короткій, толстый, густо и равномернo одѣтый, круто поставленный, заостренный къ концу гонъ, 6) мягкій сѣрый подшерстокъ въ черной шерсти и 7) коротковатость ногъ, относительно длины корпуса собаки.

Всѣ другія черты наружнаго вида, какъ напримѣръ: масть, цвѣтъ подпалынъ, лапа въ комкѣ и проч., нерѣдко встрѣчаются и у другихъ гончихъ, а потому и не составляютъ исключительныхъ, породныхъ признаковъ костромичей. Они конечно имѣютъ значеніе, но значеніе только второстепенное. Что касается до полевого досуга этихъ гончихъ, то трудно указать на какую нибудь черту характерную только для этой породы. У многихъ гончихъ и другихъ породъ встрѣчаются и голоса съ заливомъ, и заемистый поискъ и верхнее чутье, и злоба къ звѣрю и вязкость. Впрочемъ, костромскія гончія имѣютъ дорогое для охотника качество, рѣдко встрѣчающееся у гончихъ другихъ породъ—необыкновенную вѣжливость по отношенію къ домашнимъ животнымъ. Черта эта, къ сожалѣнію, вообще гончимъ, кромѣ костромичей, по природѣ несвойственна. Гончія дѣлаются вѣжливыми благодаря умѣлому воспитанію и надзору за ними, въ противномъ случаѣ скоро набаловываются; нѣкоторыя же породы, при недоглядѣхъ охотника, легко дѣлаются скотинниками. Костромская гончая вѣжлива по своей натурѣ и не требуетъ отъ охотника усиленнаго вниманія и труда при ея воспитаніи и наѣздѣхъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, мы имѣемъ въ нашей литературѣ и еще описаніе наружности и полевыхъ достоинствъ костромской гончей. Впрочемъ, описаніе это, какъ увидитъ читатель, весьма неполное. Оно принадлежитъ перу охотника-ветерана, Н. П. Данилова.

Авторъ, по его словамъ, зналъ костромскихъ гончихъ, съ ними охотился и описываетъ въ нихъ только то, что хорошо удержалось у него въ памяти. Н. П. Даниловъ говоритъ, что „порода восточныхъ гончихъ, которую называли костромскою, имѣла несравненное превосходство передъ всѣми другими; въ 20-хъ, 30-хъ годахъ гончія этой породы не были рѣдкостью и встрѣчались цѣлыми стаями, теперь же остались лишь стаи породы болѣе или менѣе къ ней приближающейся, но чистота породы утратилась. По словамъ автора, наружность восточной гончей такова: „складъ менѣе грубый, чѣмъ у старинно-русской гончей, но отъ манеры держаться съ понурой головой нѣсколько звѣрообразна. Окрасъ сѣрый, свѣтлый, съ болѣе темнымъ характернымъ чепракомъ; подпалины чисты, блѣдны; голова сухая, уши небольшія, на хрящахъ; глаза свѣтлые, сѣрые; въ темнотѣ свѣтятъ какъ у волка; щипецъ круглый; брылей никакихъ; носъ и отверстія ноздрей замѣтно малы; гонъ прямой, коротковатый (вродѣ волчьяго полѣна), отъ корня, примѣрно на треть длины безъ подвѣса, въ остальной части съ характернымъ подвѣсомъ, безъ всякаго пробора.“

Вотъ и все, что сказалъ Н. П. Даниловъ о наружности костромской, или какъ онъ называетъ ее, восточной гончей. По словамъ автора, эти гончія перевелись уже во вторую половину сококовыхъ годовъ и перевелись будто бы по той простой причинѣ, что въ Россіи плохо акклиматизировались и въ щенячемъ возрастѣ дошли цѣлыми пометами.

Очень трудно составить себѣ ясное представленіе о собакахъ, описываемыхъ авторомъ подъ именемъ восточныхъ гончихъ, которыя откуда то появились въ Россіи (вѣроятно незадолго до ихъ исчезновенія, такъ какъ не успѣли даже акклиматизироваться) и исчезли какъ блестящій метеоръ, оставивъ лишь по себѣ воспоминаніе, да названіе костромскихъ. Ниже, говоря о происхожденіи костромской породы, я коснусь и мнѣнія Н. П. Данилова о ихъ будто бы восточномъ происхожденіи, теперь же перейдемъ къ этому, крайне интересному для охотниковъ, вопросу.

Предполагать, что въ Костромской губерніи у всѣхъ охотниковъ и въ давнія времена велись гончія костромской породы, было бы по меньшей мѣрѣ наивно. Не только вѣроятно, но и вполне достоверно, что у нихъ были гончія различныхъ породъ; въ охотничьей литературѣ на это обстоятельство есть прямая

указанія. А. С. Хомяковъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Москвитинъ“ за 1845 годъ, № 2 и перепечатанной въ „Журналъ Охоты“ за 1876 годъ въ февральской книгѣ, говоритъ: „Нашимъ охотникамъ не мѣшаетъ знать, что въ Костромской и Вологодской губерніяхъ еще недавно (тому не болѣе лѣтъ 20) были цѣлыя стаи собакъ, которыми въ старину очень дорожили на Западѣ, но которыя тамъ давно перевелись, именно изъ собакъ Св. Губерта.“ Невѣроятно, чтобы стаи этихъ собакъ уничтожились безслѣдно, не оставивъ послѣ себя потомства въ видѣ различныхъ помѣсей. Предположеніе о существованіи въ охотахъ охотниковъ Костромской губерніи гончихъ различныхъ породъ подтверждается еще и статью Г. Ауэрбаха „Изъ недавняго прошлаго“, помѣщенной въ журналъ „Природа и Охота“ за 1885 годъ, № 10, гдѣ онъ описываетъ гончихъ извѣстныхъ костромскихъ охотниковъ былого времени: Мустафина, Зузина и Павлова, гончихъ внѣ всякаго сомнѣнія между собою совершенно разнотипныхъ, а слѣдовательно и разнопородныхъ. Описаніе этихъ гончихъ настолько интересно и имѣетъ такое значеніе, что я привожу его цѣликомъ. „Собаки Мустафина,—говоритъ авторъ,—были неособенно велики, но на отличныхъ ногахъ, съ сильно развитыми черными мясами и грудью, очень сухой головой, правильными гонами, — и были до того типичны, какъ по ладамъ и по окрасу (всѣ краснопѣгія съ ярко-желтыми подпалинами), что нельзя было не любоваться ими. Всѣ четыре *) были совершенно одинаковыхъ ногъ, очень параты, полазисты, позывисты и очень дружны; единственный недостатокъ этихъ собакъ (и вообще всѣхъ мустафинскихъ)—это глухіе голоса, безъ всякаго залива, какъ бы съ отрубомъ; онѣ не гоняли по волку, но безукоризненно работали по лисѣ и зайцу.“

Очевидно, что мустафинскія гончія не имѣли ничего общаго съ костромской породой, по крайней мѣрѣ по наружности и голосамъ. Достаточно вспомнить объ ихъ краснопѣгой масти, глухихъ, безъ залива, какъ бы съ отрубомъ голосахъ, чтобы убѣдиться въ справедливости такого предположенія. „Собаки Зузина,—говоритъ цитируемый здѣсь авторъ,—были крупнаго роста, страшно злобны и параты, при этомъ обладали голосами, подобными реву съ завываньемъ“. Описаніе этихъ собакъ настолько неполно,

*) Собаки мустафинской породы, принадлежавшіе г. Ауэрбаху.

что по немъ нѣтъ никакой возможности судить, какой онѣ были породы, видно только, что съ мустафинскими гончими онѣ были совершенно различны. Болѣе подробно описаны гончія Павлова. Вотъ что говорить о нихъ авторъ: „Павловскія собаки были очень крупны, необыкновенно ладны, черныя (съ сѣрымъ подшерсткомъ), въ маленькихъ красныхъ подпалинахъ на бровяхъ и груди; отличались необыкновенной силой, нестомчивостью, полазистостью, злобой и паратостью, характеръ имѣли угрюмый, голосъ необычно звучный, хотя и безъ особеннаго залива, онѣ какъ бы плакали.“ Глаза у нихъ были черные, на выкатѣ (Гаркало). — Здѣсь мы опять встрѣчаемъ совершенно другихъ гончихъ, несходныхъ съ предыдущими.

Очень можетъ быть, что Павловскія собаки были старинно-русской породы, той породы, которую П. М. Губинъ въ своемъ руководствѣ ко псовой охотѣ называетъ „прямогонными гончими.“ Какъ образецъ работы Павловскихъ собакъ, г. Ауэрбахъ рассказываетъ эпизодъ гоньбы этихъ гончихъ по лисицѣ. Судя по разсказу, нельзя не сказать, что если наружность Павловскихъ собакъ и не походила на наружность костромичей, то по работѣ такія гончія въ глазахъ охотника не ниже какой бы то ни было другой породы гончихъ. Итакъ, едва ли остается сомнѣніе въ томъ, что у охотниковъ Костромской губерніи велись гончія разныхъ породъ. Многія изъ этихъ гончихъ славились полевыми достоинствами, покупались или доставались охотникамъ другихъ, часто и отдаленныхъ отъ Костромы губерній, и конечно ими назывались костромскими по мѣсту ихъ происхожденія.

Отсюда понятны та путаница, тѣ противорѣчія и несообразности, которыя встрѣчаются между охотниками въ понятіяхъ о типѣ и происхожденіи костромскихъ гончихъ. Въ „Журналѣ Охоты“ за ноябрь мѣсяцъ 1876 года, С. М. Глѣбовъ говоритъ: „Знаменитыя костромскія собаки Павлова и Зузина были выведены отъ англійскихъ. Эти свѣдѣнія мнѣ пришлось провѣрить самому. Въ Нижегородской губерніи, лѣтъ 30 тому назадъ, я наткнулся на собакъ породы Зузина у своего родственника П. А. Астафьева, человѣка весьма неглупаго, непустослова, и онъ мнѣ передалъ, что собакъ досталъ онъ лично отъ самого Зузина, котораго онъ зналъ. Оказалось, что всѣ свѣдѣнія, которыя я имѣлъ отъ Астафьева, были тождественны съ тѣми, что сообщались въ журналѣ „Охоты и Коннозаводства“, въ первые годы его изданія.—Слова С. М.

Глѣбова игнорировать нельзя, считать ихъ за выдумку—нѣтъ основанія. Ихъ слѣдуетъ объяснить себѣ болѣе или менѣе правдоподобно.

Разумѣется, если считать *всѣхъ* гончихъ, водившихся у костромскихъ охотниковъ, за гончихъ, принадлежащихъ къ костромской породѣ, то было бы абсурдомъ допустить или вѣрить въ ихъ англійское происхожденіе. Но совсѣмъ не будетъ абсурдомъ допускать возможность происхожденія собакъ гг. Павлова и Зузина отъ англійскихъ гончихъ (т. е. предполагать въ ихъ крови и примѣсь крови этихъ гончихъ), предполагая, что въ костромскихъ охотахъ были гончія различныхъ породъ.

Гончія Мустафина, Зузина и Павлова несомнѣнно костромскія только въ томъ смыслѣ, что онѣ велись въ Костромской губерніи. Но вѣдь мѣсто жительства еще не дѣлаетъ ихъ гончими костромской породы, хотя онѣ и были знамениты полевымъ досугомъ.

О происхожденіи костромской породы гончихъ въ нашей литературѣ существуетъ нѣсколько предположеній. А С. Хомяковъ, въ вышеупомянутой мною статьѣ, говоритъ, что костромская порода ведетъ свое начало „отъ сѣрой желтоподпалой гончей сибирской.“ Однако мы знаемъ, что таковой гончей не существуетъ, что нигдѣ нѣтъ указаній на то, чтобы она и прежде существовала. Такимъ образомъ предположеніе А. С. Хомякова не имѣетъ основанія. Впрочемъ, быть можетъ, подъ названіемъ сѣрой желтоподпалой сибирской гончей онъ подразумѣваетъ лайку, тогда предположеніе о родственности ея съ костромской гончей весьма вѣроятно.

Н. П. Кишенскій въ своемъ „Опытѣ генеалогіи собакъ“ дѣлаетъ предположеніе, что порода костромскихъ гончихъ произошла отъ гончихъ восточныхъ и пришла въ Россію съ татарами, причемъ указываетъ и на то, что въ древности азіатскія гончія были извѣстны европейскимъ народамъ, такъ какъ о нихъ упоминаетъ Ксенофонтъ.

Въ брошюрѣ барона Розена тоже говорится объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, а именно: „Ксенофонтъ упоминаетъ объ индійскихъ собакахъ, говоря: для оленей и оленецъ нужны индійскія собаки, сильныя, высокія, быстроногія и не безъ огня, при какихъ качествахъ онѣ способны къ работѣ.“

Въ той же статьѣ мы находимъ: „остались даже изображенія этихъ собакъ на ассирійскихъ и персидскихъ памятникахъ, на ко-

торыхъ встрѣчаются и изображенія охотъ. На этихъ изображеніяхъ представлены схватки съ львами и вообще крупными животными. Собаки, участвующія въ этихъ схваткахъ, напоминаютъ грубыхъ травильныхъ собакъ, въ родѣ договъ или медеянокъ. Въ древности этихъ собакъ добывали изъ Индіи и онѣ носили названіе индійскихъ.“

Изъ вышеприведенныхъ цитатъ ясно, что въ древности дѣйствительно существовала особая порода собакъ, которыхъ называли индійскими, но была ли то порода гончихъ въ томъ смыслѣ какъ мы теперь понимаемъ, или же то была порода собакъ травильныхъ—неизвѣстно.

Н. П. Кишенскій, какъ я уже сказалъ, держится мнѣнія о происхожденіи костромской породы гончихъ отъ гончихъ восточныхъ (индійскихъ) и дѣлаетъ заключеніе, что костромская порода будто бы происходитъ отъ дикой индійской собаки—Буанзу. Заключеніе это настолько интересно, что я привожу его подлинныя слова: „по ладамъ, гону съ заливомъ, или выражаясь обыкновеннымъ языкомъ, ревомъ, что въ такой же *формѣ и степени развитія* несвойственно ни одной другой изъ гончихъ породъ даже и прочихъ русскихъ, несомнѣнно, что костромская порода крайне или даже рѣзко типична и ближе всѣхъ по признакамъ походить на дикаго звѣря—Буанзу, отъ котораго несомнѣнно происходитъ. („Природа и Охота“, октябрь, стран 15).

Это предположеніе ничѣмъ не подтверждается и не имѣетъ характера достовѣрности. Между тѣмъ, какъ видно изъ вышеприведенной цитаты, происхожденіе костромской породы отъ индійскаго дикаго звѣря—Буанзу, по мнѣнію автора, *несомнѣнно!* Что два помноженные на два равны четыремъ—несомнѣнно, потому что правильность вывода внѣ всякаго сомнѣнія и она (правильность) осязательно можетъ быть доказана каждому желающему убѣдиться въ этой истинѣ. Доказательствъ же несомнѣннаго происхожденія костромской породы гончихъ отъ Буанзу пока не имѣется, а слѣдовательно это мнѣніе, за не имѣніемъ доказательствъ, не выходитъ изъ области догадокъ и фантазіи.

Въ руководствѣ зоологіи Брэма, при описаніи дикой индійской собаки Буанзу, говорится, что стая ихъ преслѣдуетъ добычу съ какимъ то ревомъ. Допуская даже, что заливъ и ревъ означаютъ одно и тоже, и тогда было бы черезъ чуръ рискованно, основываясь

только на этомъ сходствѣ особенности голосовъ Буанзу и костромичей, утверждать, что послѣдніе происходятъ отъ первыхъ. Говорятъ, что гончія Зузина имѣли голоса съ ревомъ, но думаю, что и это обстоятельство ничего не доказываетъ въ пользу происхожденія ихъ отъ Буанзу, такъ какъ и характеръ рева-то бываетъ совершенно различенъ (а рева Буанзу г. Кишенскій навѣрно не слыхалъ), да и происхожденіе гончихъ Зузина сомнительно. По крайней мѣрѣ С. М. Глѣбовъ, слова котораго приведены выше, указываетъ именно на гончихъ Зузина и Павлова, какъ на происходящихъ отъ англійскихъ собакъ.

Н. П. Даниловъ костромскимъ гончимъ тоже приписываетъ восточное происхожденіе, говоря, что родина ихъ востокъ и что онѣ пришли къ намъ оттуда. Онъ же говоритъ, что онѣ еще въ сороковыхъ годахъ совершенно уничтожились и теперь остались лишь ихъ помѣси. Мнѣніе этого автора относительно происхожденія костромской породы гончихъ сходно съ мнѣніемъ предыдущаго и точно также носитъ характеръ догадки не имѣющей за собою доказательствъ. Но надобно замѣтить, что онъ говоритъ о какой то другой породѣ несходной по типу съ гончими костромской породы, типъ которыхъ описанъ Н. П. Кишенскимъ и П. М. Губинымъ. Несходной до того, что авторъ, говоря о тѣхъ собакахъ, которыхъ теперь выдаютъ за костромскихъ, называетъ ихъ „мнимо-костромскими“, и считаетъ лишь за помѣси русскихъ и польскихъ собакъ.

Вообще восточное происхожденіе гончихъ русскихъ породъ вопросъ довольно темный и для своего рѣшенія требуетъ серьезнаго изслѣдованія. Предположеніе, что русскіе охотники научились производить охоту съ гончими и борзыми совмѣстно у татаръ—весьма гадательно. Не надобно забывать, что такая охота въ давнія времена была извѣстна и на Западѣ, такъ, на примѣръ, у „галловъ“, по словамъ писателя Аріана, островъ окружали борзыми, которыя спускались на звѣря, выгнаннаго гончими“. (Брошюра барона Розена). Такимъ образомъ и производство охоты, да и самыя собаки для этой охоты могли придти къ намъ и съ Запада. Такое предположеніе ничуть не менѣе вѣроятно, чѣмъ первое.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, нынѣ уже умершій, который не былъ охотникомъ и служилъ въ Москвѣ въ архивѣ иностранныхъ

дѣлѣ, говорилъ мнѣ, что въ архивѣ ему попадались акты временъ великихъ князей и царей, въ которыхъ упоминалось о доставленіи къ намъ въ Россію гончихъ собакъ, преимущественно изъ Польши и Франціи. Была попытка отыскать эти акты, но такъ какъ для этого требовалось слишкомъ много времени, которымъ лицо ихъ искавшее не располагало, то попытка эта и окончилась ничѣмъ. Будемъ однако надѣяться, что современемъ эти акты будутъ отысканы, напечатаны и прольютъ нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе нашихъ гончихъ; до того же времени вопросъ этотъ остается открытымъ.

Но возвратимся къ костромичамъ.

П. М. Губинъ, говоря о костромской гончей, коснулся и ея происхожденія; по его словамъ, костромская гончая выведена въ Россіи во времена довольно отдаленныя татарами - охотниками, отъ прямогонныхъ гончихъ собакъ съ ищейками*), наполнявшими въ то время дворы каждаго охотника-татарина Костромской, Ярославской и другихъ смежныхъ губерній. Старинные псовые охотники объясняютъ происхожденіе этой замѣчательной по гоньбѣ породы такъ: торговцы татары искрещивали въ тѣ времена Россію для своихъ торговыхъ цѣлей, добывали у псарей прямогонныхъ гончихъ собакъ (преобладавшихъ въ то время въ псовыхъ охотахъ) изъ сбывочныхъ, т. е. собакъ, которыя устарѣли или по другимъ причинамъ сошли съ поля и поступили въ собственность прислуги, и приводили ихъ своимъ собратамъ татарамъ-охотникамъ. Эти послѣдніе держали ихъ на свободѣ вмѣстѣ съ ищейками, т. е. лайками. Вѣроятно случайно, вслѣдствіе естественнаго подбора, получились отличные гонцы такой мѣшаной породы. Далѣе, вслѣдствіе подбора и охотничьей практики, порода эта установилась и сдѣлалась извѣстною подъ именемъ костромской. Татары-охотники воспитывали гончихъ щенковъ въ огороженныхъ ямахъ, наганивали ихъ съ вѣрными гонцами и въ гоньбѣ доводили свои стаи до совершенства. Многіе псовые охотники покупали готовыя стаи гончихъ татарскихъ, т. е. костромскихъ.

За вѣроятность такого происхожденія костромской гончей

*) Подъ именемъ русскихъ прямогонныхъ гончихъ онъ разумѣетъ ту породу, которая болѣе извѣстна подъ названіемъ старинно-русской; подъ именемъ же ищейекъ — породу лаекъ.

многое говорить и въ ея складѣ, напримѣръ, ея короткое заостренное угломъ ухо, ея шерстистость и форма гона. Всѣ эти черты наружности костромской гончей рѣзко выдѣляютъ ея типъ и унаслѣдованы отъ сѣверной собаки или лайки.

Взгляды многихъ охотниковъ на костромскую гончую настолько спутаны и сбивчивы, что въ самое послѣднее время нѣкоторые изъ охотниковъ начали и вовсе отрицать существованіе и въ настоящее, и въ прежнія времена, этой породы, какъ породы отдѣльной и самостоятельной. Они говорятъ, что подъ именемъ костромскихъ были извѣстны гончія различныхъ породъ, преимущественно же старинно-русской. Къ числу такихъ отрицателей, между прочимъ, принадлежитъ и С. С. Карѣевъ, который въ доказательство своего мнѣнія описываетъ гончихъ, купленныхъ его дядею въ Костромѣ у извѣстнаго владѣльца лучшей охоты. Онъ описываетъ ихъ какъ собакъ громаднаго роста, чернопѣгихъ, съ сѣрыми головами и отвислыми брылями, съ широкимъ чутьемъ, отвислыми вѣками и глазами на кровяхъ. Нетрудно видѣть, что эти гончія по породѣ не имѣли ничего общаго съ костромскими и могли называться такъ только по мѣсту ихъ жительства.

Что у охотниковъ Костромской губерніи имѣлись гончія различныхъ породъ—мы уже видѣли выше, но изъ этого обстоятельства совсѣмъ не слѣдуетъ, что самостоятельной костромской породы не существовало вовсе.

Она существовала несомнѣнно, на это мы имѣемъ указанія и въ нашей охотничьей литературѣ. Припомнимъ хотя бы слова А. С. Хомякова, который въ сороковыхъ годахъ писалъ: „лучшею основою для стай средней Россіи будетъ служить костромская порода, соединяющая необыкновенное мастерство, привязчивость и вѣрность чутья съ отличными ногами. Можетъ быть многимъ охотникамъ неизвѣстно, что наша костромская порода тому еще лѣтъ 40 (какъ теперь не знаю), особенно вскармливалась татарами въ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, и что она ведетъ свое начало отъ сѣрой желто-подпалой гончей сибирской.“

Прочитавъ эти слова, едва-ли можно сомнѣваться, что здѣсь идетъ рѣчь именно объ отдѣльной отъ прочихъ, самостоятельной породѣ, которую называли костромскою.

Вопросъ о происхожденіи костромскихъ гончихъ я не считаю исчерпаннымъ, но, тѣмъ не менѣе, мнѣніе о происхожденіи ихъ отъ

скрещиванія старинныхъ русскихъ гончихъ съ лайками мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ и имѣющимъ за собою наибольшую доказательность.

Совершенно естественнымъ является вопросъ, существуетъ ли костромская порода гончихъ въ настоящее время?

Отвѣчать на этотъ вопросъ ни утвердительно, ни отрицательно я не берусь.

Всѣ охотники издавшіе гончихъ завода Н. П. Кишенскаго, не могли не замѣтить, что онѣ по ладамъ довольно близко подходятъ къ тому типу костромской гончей, который описанъ и П. М. Губинымъ, и Н. П. Кишенскимъ, и если ихъ полевые качества соотвѣтствуютъ полевымъ качествамъ костромичей, то конечно, мы имѣемъ полное основаніе считать ихъ гончими костромской породы. Въ противномъ же случаѣ онѣ безусловно заслуживаютъ то названіе „полудворнягъ“, которымъ надѣляетъ ихъ нашъ старый охотникъ и собаководчикъ С. С. Карѣевъ.

Итоги изъ всего здѣсь сказаннаго могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Несомнѣнно, что вполне установившаяся, самостоятельная порода костромскихъ гончихъ, обладавшая опредѣленными типичными признаками склада и извѣстными полевыми достоинствами, существовала въ отдаленныя времена.

2) Всего вѣроятнѣе, порода этихъ гончихъ произошла отъ помѣси старинно-русскихъ гончихъ и лаекъ.

3) Подъ именемъ костромскихъ гончихъ, между русскими охотниками и въ прежнее время были извѣстны не только гончія самостоятельной костромской породы, но и гончія другихъ породъ, имѣвшихся въ крупныхъ охотахъ охотниковъ Костромской губерніи.